

Виталий
 Вульф

Постройки

Главная ценность любой общественной системы — ее устойчивость и стабильность. Мир, Порядок, Иерархия, Ритуалы. Теперь все разрушено. Страна превратилась в «пунксово-испытательную» площадку. Новую систему не создали, едва наметили ее «рыночные» контуры. На поверхности оказались низость и общая удрученность. Гибнут люди в Грузии, Молдове, Армении, Азербайджане. «Независимость» выпятила, оживила полустертые клише старой национальной вражды и территориальных притязаний. На головы простых, беззащитных людей обрушивается лава поношений, угроз, несусветных кощунств. Новые лица «наверху» расставляют везде «своих». Наружу выплескиваются шальные деньги, провинциальные политики, «деловые люди», иногда смахивающие на жуликов. Жизнь ошарашивает ценами, путаницей старых понятий и народившихся новых нравов. Веры нет ни во что. Кроме денег и элементарной необходимости их иметь, нет никаких объединяющих идей. Газеты печатают сообщения о преступлениях, начинавших прежде лишь расхожую мифологию низовой культуры.

Кажется порой, что не к чему прислониться. Зепальщина, с порога отмечается наследие прошлой культуры как ничемный, вредный мусор. Старые ценности отвергаются безразборно, скопом. Обескураженность перед жизнью, подорвала и театры. Свод голоса они вынуждены подстраивать к требованиям дня с их спонсорами, коммерцией, ориентацией на бездумные забавы. С удивлением прочел, как очень любимый и ценимый мной К. Райкин воскликнул: «Напрягать мозги, сидя в зале, — не хочу, не хочу, не хочу!». В противовес приращенному

жизью артист делает свой выбор в пользу развлекательного театра, что, кстати, очень заметно на спектакле «Сирано де Бержерак», довольно мощном по режиссуре и калечащем талантливому артисту.

Но несмотря на откровенное соскальзывание под уклон вседозволенности, дурного вкуса и удешевленного ремесленничества, театр выживает над свалкой порушенных обломков прошлого. В русском театральном искусстве таится огромный запас прочности. Это понимают на Западе, это не понимают у нас.

Мне довелось почти полгода прожить в Нью-Йорке, поехать по США, увидеть — не впервые — «другой мир». Мир удивительной цивилизации, избытка комфорта, неудовлетворенности, охранительной рассудительности и тревоги о собственной культуре. Американцы в массе плохо представляют себе перестройку облика нашей страны, они и прежде плохо представляли ее. Выступая для коллектива преподавателей и учащихся знаменитой в Нью-Йорке «школы Спенс», я был крайне удивлен, что собравшиеся понятия не имели, сколько в Москве театров, как много играют у нас Миллера, О'Нила, Уильямса, Олби, как любят читать Фолкнера, Вулфа, знают Доктороу, Капоте, Видала. Для них Россия — это Сибирь, сталинизм и фигура Горбачева, которого они называют «последним великим человеком двадцатого века», сумевшим освободить Восточную Европу и сделать ее свободной Россией, — теперь ее можно не бояться. Так учили их, так они себе представляют наш мир. В почтовых отделениях все еще принимают письма в Москву, если написано на конверте «СССР». Американцы — консервативны, они не любят

ничего менять и их не интересует, что мы давно уже живем в России, хотя и не представляем себе, во что вылетает ее уклад. «У вас была великая страна, не может же она разделиться на княжества, как в древние времена, — говорили мне, — наверное, это временно». Я безмолвствовал, поскольку сам не могу еще прыгнуть к тому, что «СССР» уже нет, а есть Содружество независимых государств или, точнее, ловушка громких фраз, куда попадают и их изобретатели, и те, кто не следует за ними, что никому не приносит ни радости, ни облегчения.

То, что Россия плутает в поисках самой себя, что ее реформы пока похожи на «бег на месте», мало заботит американцев, слишком много у них собственных забот: в стране нет лидера, пугают нерешенные расовые проблемы, их отчаянная вспышка весной в Лос-Анджелесе, экономический спад. Даже Бродвей, рассматриваемый в нашей печати как «мировая театральная столица», никак не может выйти на простор прежних достижений. Незаурядных художников стало меньше. Бродвей, очень часто выпускающий премьеры в последнем сезоне, мало чем порадовал. «Черный» мюзикл «Последний всплеск Джелли», блеск хореографической мысли в мюзикле «С ума сойти из-за тебя» и пьеса Ариела Дорфмана «Смерть и девушка» с Глен Клоуз, Джином Хекменом и Ричардом Дрейфузом несколько разломали будничность бродвейской жизни. На офф-Бродвее с успехом прошли пьеса Теренса Макнелли «Губы вместе — зубы врозь» и старая драма Стриндберга «Кредиторы». Бродвейской поэтике, какой она сложилась к середине 20-х годов и в сущности осталась без изменений, чужд дух поисков и открытий.